

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

ВЕСТЬ БЛАГАЯ

* * *

В чужом дворе — ни деревца, ни пня,
но мне слышна — как песня — весть благая
о том, что кроме сумрачного дня
и ночи, есть

действительность другая,
когда выходит солнце из-за туч,
чтоб насладиться радостью короткой
раскрытых окон...

Ветер здесь колюч
и грозен, как сержант из околотка.

Ненастье — беспризорная пора...

Пусть не узнать мне, чья вина-обида —
пустынный двор, без этого двора
неполной будет города планида.

А то, что пусто нынче во дворе...
Так не скупа сибирской жизни проза
на чудеса: вот как на пустыре —
на самом дальнем — выросла берёза?..

ПЕРМИНОВ Юрий Петрович родился в 1961 году в Омске. Главный редактор историко-культурологического, литературно-художественного альманаха "Тобольск и вся Сибирь". Член Высшего творческого совета Союза писателей России. Лауреат Всероссийских литературных премий. Автор 12 книг и многих публикаций (стихи, эссе).

* * *

Метель по всем приметам — на “подходе”:
она могла не радовать меня,
но... вызревает в нынешней погоде
большое солнце завтрашнего дня...

И вот оно — Природы вечной буйство!
Но я — один из смертных на земле —
лелею в сердце солнечное чувство
необъяснимой нежности к зиме.

* * *

Чуть колеблется тьма от дрожания лунной блесны,
а вокруг — ни звезды... Вот и стала сердечной потреба
ожидания утра, ожидания новой весны
под тяжёлым крылом предрассветного зимнего неба.

Каждый выдох и вдох человечества спящего — свят,
что ж потом происходит с Господними чадами — с нами?..
Спят соседи мои. Слава Богу, безоблачно спят,
друг на друга дыша бессловесными тёплыми снами.

Кто там глухо скребётся — в безмолвном пространстве двора,
словно пришлая тень басурманина в единоверце
неизбывно моём?..

Утешаю тревогой с утра —
за соседей своих к небесам обращённое сердце.

* * *

Пока не знаю, что к утру останется
от ночи еле тёплой...

Во дворе
ругаются окраинные пьяницы;
ворочается месяц в конуре
Вселенной...

В нашем доме пятирусном
нет звукоизоляции — слабы
панели в этом смысле,

если яростно
сигналит ночью джип Али-Бабы —
хозяина базарчика ближайшего, —
собака лает с джипом заодно...

Отсутствие порядка надлежащего
спать не мешает гражданам давно:
машины рёв, ночные вопли шалые,
нетрезвых происшествий череда...

Хочу я, чтоб ничто не помешало им
проснуться — добрым людям, — как всегда.

Увы, не знаю каждого по имени —
ни их, ни обитателей двора,
и даже врать не буду, что ни злыми, ни
похмельными не видел их с утра...

Есть в нашем доме “белые” и “красные”,
Но не про нас ни драки, ни война...
Причина есть, хотя мы люди разные:
Над нами крыша всё-таки одна.

* * *

Ни ора, ни разбойничьего свиста:
былым теплом здесь дышат голоса,
и — никакого националиста
в шалмане под названием “Самса”,
где братья по Советскому Союзу,
вражду забыв, братаются навек...

Стакан вина, как шар бильярдный в лузу,
одним глотком загнал в себя абрек —
лицо национальности кавказской.
Ну, так и я — не мальчик для битья,
не потому ли хмуро и с опаской
он исподлобья смотрит на меня?

Товарищ, верь! — Нам ссориться негоже.
Товарищ, понимаю, что не все
мы братья, но по сути — я такой же,
как ты, но — русский. Тутешний. В “Самсе”.

* * *

Так иногда происходит — а где-то и чаще — в любом
доме, когда не хватает нетленного слова былого...

С мамой — белеющей мамой — листаю семейный альбом,
с мамой — светлеющей мамой — смотрю на отца молодого.

Вечер как вечер... Зима беззлобно ворчит за окном,
а на окне — января таинственные монограммы...

За что я живу в этот час? — За счастье услышать о том,
как мы похожи с отцом... О том и услышал от мамы.

Мглой наливается небо хмурого января,
ждушего вьюгу, а мы переживём и ненастье —
в нашем взаимном тепле мы счастливы, не говоря
ни о каком вообще, ни о сегодняшнем счастье.

* * *

Время утицей белой плывёт
на рассвете далёкого мая...
Колыбельную мама поёт,
молодую себя вспоминая...
Это там, где идёт шестьдесят
первый год, где бабусина липа
расцвела, где закаты гостят
над домами барачного типа,
где читается сердцем строка
горизонта родного — веками,

инвалиду войны сорока
нет ещё — из квартиры над нами...

...Наш окраинный мир во дворе
без вражды умещался под вечер,
а потом — на бессмертной заре —
шёл доверчиво небу навстречу...

Месяц — тёплый, как хлеба ломоть.
Звёзды — пышки из райских пекарен.

С неба слушают маму Господь,
Молодой мой отец и Гагарин.

* * *

Просёлком пыльным, кладбищем, потом
окошком, где легко дышать с устатку...

Церквушка. Дом...

Для престарелых — дом,
живущий по скупому распорядку,
где жизнь во веки медленных веков
пьёт белый свет из солнечной кадушки,
где влюблены в забытых стариков
такие же забытые старушки.
В больных глазах — ни страха, ни тщеты:
чем ближе тьма, тем к солнышку — добрее...
И хочется угадывать черты
родных кровинки в здешнем иерее...